

Валерий ТИШКОВ*

РУССКИЙ МИР

Историческое содержание русского мира

Российский народ создал самое обширное государство в мире и входит в число десяти самых крупных по численности народов мира. У нашего государства много выдающихся достижений и вклад его в мировую цивилизацию и в мировую культуру более чем примечателен. Далеко не всем государствам и народам удается породить феномен глобального размаха, который можно было бы назвать «миром», т. е. *трансгосударственным и трансконтинентальным сообществом, которое объединено своей причастностью к определенному государству и своей лояльностью к его культуре*. Такими мирами обладают, наряду с Россией, только Испания, Франция и Китай. Возможно, Ирландия вместе с Великобританией. «Мир» или диаспора – это не просто сумма эмигрантов, выехавших с территории исторического государства в разные эпохи и в разные страны. Это близкие, но не совпадающие явления. Ясно, что без массовой эмиграции невозможно возникновение культурно родственного населения за пределами государства. Но само по себе большое число не гарантирует возникновение за рубежами Родины *родственного внешнего мира*. Почему более корректно говорить, что российский (а не русский) народ породил русский (а не российский) мир, хотя эмиграция из России и те, кто когда-то был частью России, имеют столь же многоэтничную природу, как и собственно российский народ? Потому что, во-первых, в диаспоре теряется этническая актуальность. Мигранты воспринимаются принимающим обществом как гомогенные (культурно одинаковые) выходцы из определенной страны: с давних пор

* Академик Валерий Тишков, РАН

выходцы из России называются русскими, как прилагательное от названия страны и как люди русскоязычной культуры.

Диаспора из России становится именно русской диаспорой, а не тривиальной миграцией или совокупностью всех выходцев из страны потому, что она осознает и воспроизводит свое единство во внешнем мире на основе главной культурно отличительной черты – а именно на основе русского языка. Утратившие эту черту, как правило, теряют свою принадлежность к Русскому миру. Литовские татары, иорданские черкесы или косовские адыги не есть часть Русского мира, хотя они есть часть исторических российских соотечественников за рубежом и по федеральному закону о государственной поддержке соотечественников и по программе содействия добровольному переселению соотечественников в Россию имеют право на поддержку государства. Равно как ассимилировавшийся в языковую и социальную среду других стран потомок русских или евреев, выехавшие из России до или вскоре после революции 1917 г., также не может считаться частью Русского мира, даже если желание заработать легкие деньги в реформируемой России толкало его вспомнить и объявить свою русскость при основании совместной фирмы или при заключении деловых контрактов. Таких примеров мы наблюдали в большом количестве в начале 1990-х гг. Зато бесспорной частью Русского мира являются те, кто выехал из страны в разные исторические периоды и сохранил знание русского языка, а вместе с ним – в разной степени лояльность и привязанность к России. Русские липоване в Румынии – выходцы из Российской империи, продолжающие играть в КВН на русском языке бывшие жители СССР, выехавшие в страны Европы и Америки, составляют часть русского мира, даже если по своему этническому происхождению они могут быть не только русскими, но армянами, грузинами, украинцами, а их родственные корни находятся сегодня не только в России, но уже в новых независимых государствах.

Именно русский язык и русскоязычная российская или советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир. Связь с Россией в смысле лояльности и привязанности остается третьей важнейшей чертой Русского мира, но эта связь может быть изменчивой и иметь противоречивые смыслы и направленности. Здесь главное – это сам факт ощущения связи и демонстрируемое отношение к России, будь это потомки русских эмигрантов, сохраняющие Форт Росс в Калифорнии, или же борцы против «кремлевских режимов», окопавшиеся в Лондоне. Таким образом, *русский язык, русскоязычная культура и демонстрируемый интерес в Родине отличают принадлежность*

к *Русскому миру*. Как же быть в таком случае с этничностью, которая зачастую объявляется единственной отличительной характеристикой, когда под Русским миром имеют в виду 25 миллионов русских в постсоветских государствах и несколько миллионов в дальнем зарубежье? Что касается более давних (досоветских) времен и более отдаленных стран выезда россиян, то в этом случае этничность трудно определить как главную отличительную черту Русского мира. Собственно русские (великороссы) были в явном меньшинстве и возможно остаются таковыми в дальнем Русском мире. В этом случае гораздо более определяющим были опять же язык и вера – принадлежность к Русской православной церкви. Но в более поздние (советские) времена и в ближнем мире, где этничность стала уже частью выученного культурного багажа и политическим языком, русские – это главное отличие русского мира. Хотя в Русском миру можно относить и часть нерусских, особенно выехавших в Израиль евреев в составе смешанных семей и сохраняющих русский язык как основной и тесную связь с Россией. Но все ли русские могут быть его частью, скажем, в Латвии и Эстонии, где они стояли в 1989 г. вместе с прибалтами в людской цепи с требованием независимости, а сейчас, скажем, проголосовали в эстонском парламенте за закон о сносе памятника советскому солдату? Таким образом, вопрос о русской этнической принадлежности важен для поздних (советских) волн эмиграции, как православие было важно для более ранних. Для постсоветских эмигрантов и для тех, кто никуда не уезжал, а от кого «мигрировали» границы собственной Родины, доминирующими факторами остаются язык, религия и гуманитарно-политические связи в Россией. Последние гораздо более актуальны в ситуациях дискриминации и попыток принизить статус или унижить русских или «русскоязычных» со стороны «титовых» этнонационалистов стран бывшего СССР. При всех отмеченных неоднозначностях сам по себе русский мир есть реальность, он проявляет себя в самых разных ипостасях, в большинстве своем значимых для России и ценимых россиянами.

СТАРЫЙ РУССКИЙ МИР

Россия за последние полтора века была мощным поставщиком эмиграции, а значит, и потенциальной диаспоры, хотя не все выехавшие из России – это всегда диаспора. В дореформенной России наблюдались интенсивная пространственная колонизация и преимущественно религиозная эмиграция (русские старообрядцы). И хотя переселенцы XVIII – первой половины XIX в. почти все оказались в составе расширяющей

свои границы России, часть их поселилась в Добрудже, вошедшей в состав Румынии и Болгарии с 1878 г., и на Буковине, отошедшей с 1774 г. к Австрии. Еще раньше, в 70–80-е годы XVIII в., имел место отток более 200 тыс. крымских татар в пределы Османской империи: в европейской части Турции (Румелии) в начале XIX в. проживали 275 тыс. татар и ногайцев. В 1771 г. примерно 200 тыс. калмыков ушли в Джунгарию (калмыки – пример множественной диаспорной идентичности: для многих из них родина – это каждая предыдущая страна исхода или несколько стран в зависимости от ситуации и выбора). В пореформенные десятилетия пространственные движения населения значительно увеличились. Свыше 500 тыс. выехали в 1860–1880-е годы (в основном поляки, евреи, немцы) в соседние государства Европы и небольшая часть – в страны Америки. Особенность этой волны эмиграции в том, что она не привела к образованию устойчивой российской диаспоры, еще раз подтверждая тезис, что не каждое переселение на новое место ведет к образованию диаспоры. Причина здесь в том, что по своему этническому, религиозному составу и социальному статусу эта эмиграция уже (или еще) была диаспорой в стране исхода, а более позднее появление «настоящей исторической родины» (Польши, Германии и Израиля) исключило возможность выстраивания диаспорной идентичности с Россией. Другими причинами того, что ранняя эмиграция из России не стала базой для образования диаспоры, могли быть характер миграции и историческая ситуация в принимающей стране. Это была отчетливо неидеологическая (трудовая) эмиграция, поглощенная хозяйственной деятельностью и экономическим выживанием.

В последние два десятилетия XIX в. эмиграция из России резко возросла. Уехало примерно 1140 тыс. человек, в основном в США и Канаду. Особую группу составили «мухаджиры» – жители преимущественно западной части Северного Кавказа, покинувшие территории своего проживания в ходе Кавказской войны. Они переселились в разные регионы Османской империи, но больше всего – на Малоазиатский п-ов. Их численность, по разным источникам, колеблется от 1 до 2,5 млн. чел. Мухаджиры составили основу для черкесской диаспоры, которая в момент происхождения не была российской, а стала таковой уже после включения Северного Кавказа в состав России. Есть основания полагать, что в ряде стран эта часть переселенцев осознавала и вела себя как диаспора: действовали ассоциации, политические объединения, существовали печатные органы и солидарные связи, предпринимались меры по сохранению культуры и языка. Вклад страны-донора в сохране-

ние этой диаспоры был минимальным, особенно в советский период. Не только осуществлять связи, но даже писать о мухаджирах в научных трудах было почти невозможно. Родина надолго, а для многих и навсегда исчезла из идеологического комплекса диаспоры. Кавказ был где-то там, за «железным занавесом», и питал диаспору слабо.

Возможно, аналогичная ситуация сложилась бы и с другой частью (преимущественно восточнославянской) эмиграции из России конца прошлого века, если бы не происходила ее мощная и периодическая подпитка в последующее время. В первые полтора десятилетия XX в. эмиграция из страны еще более усилилась. До первой мировой войны Россию покинуло еще около 2,5 млн. человек, переселившихся в основном в страны Нового Света. Всего примерно за 100 лет с начала массовых внешних миграций из России выехало 4,5 млн. человек. Можно ли считать эту массу выходцев из дореволюционной России диаспорой? Наш ответ: конечно, нет. Во-первых, территориально почти всех эмигрантов того периода поставляли Польша, Финляндия, Литва, Западная Белоруссия и Правобережная Украина (Воынь), и тем самым Россия создавала диаспорный материал в значительной мере для других стран, которые исторически возникли в последующие периоды. Во-вторых, этнический состав этой эмиграции также повлиял на ее судьбу в плане возможности стать именно российской диаспорой, т. е. частью русского мира. В числе российских эмигрантов в США 41,5% составляли евреи. Погромы и сильная дискриминация евреев в России, а также их нищета обусловили глубокий и длительно сохраняющийся отрицательный образ родины, который отчасти сохраняется даже до сих пор. Успешная интеграция этой части эмигрантов в американское общество (не без проблем и дискриминации вплоть до середины XX в.) также обусловила быстрое забывание «русскости», а тем более «русскости». Из 4,5 млн. эмигрантов из России только около 500 тыс. считались «русскими», но на самом деле это были также украинцы, белорусы, часть евреев. Перепись США 1920 г. зафиксировала 392 тыс. русских и 56 тыс. украинцев, хотя это завышенные цифры, так как среди них были представители многих этнических групп, особенно евреев. В Канаде перепись 1921 г. также зафиксировала почти 100 тыс. русских, однако на самом деле в эту категорию оказались включены почти все восточные славяне и евреи, выехавшие из России. Таким образом, *всего за годы дореволюционной эмиграции Россия поставила 4,5 млн. чел. в качестве диаспорного материала для разных стран, из которых не более 500 тыс. были рус-*

ские, украинцы и белорусы. Кто из многочисленных потомков этих людей ощущает сегодня свою связь с Россией, сказать трудно.

ТРАДИЦИОННАЯ РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА

Исторический отсчет традиционной российской диаспоры начинается позднее в связи с миграционными процессами после 1917 г. В 1918–1922 гг. большого размаха достигла политическая эмиграция групп населения, которые не приняли советскую власть или потерпели поражение в гражданской войне. Размер так называемой белой эмиграции определить трудно (примерно 1,5–2 млн. чел.), но ясно одно: впервые подавляющее большинство эмигрантов составили этнические русские. Именно об этой категории населения можно говорить не только как о диаспорном человеческом материале, но и как о манифестной (в смысле жизненного поведения) диаспоре с самого начала возникновения этой волны мигрантов. *Именно это стало рождением Русского мира.*

Объясняется это рядом обстоятельств. Элитный характер мигрантов, а значит, более обостренное чувство утраты родины (и имущества) в отличие от трудовых мигрантов «в овечьих тулупах» (известное прозвище славян-иммигрантов в Канаде), обусловили более устойчивое и эмоционально окрашенное отношение к России. Именно эта эмиграция-диаспора вобрала в себя данные мной выше характеристики русского мира (язык, православие, идентичность), в том числе и производство параллельного культурного потока, который ныне частично возвращается в Россию. Именно эта эмиграция не имела никакой другой конкурирующей родины, кроме России во всех ее исторических конфигурациях XX в. Именно к этой эмиграции в последнее десятилетие оказались больше всего направлены симпатии страны исхода, согрешившей в процессе демонтажа господствовавшего политического порядка радикальным отторжением всего советского периода как некой исторической аномалии. Ностальгией оказалась охвачена не столько диаспора, сколько ее современные отечественные потребители, желавшие увидеть в ней некую утраченную норму, начиная от манер поведения и заканчивая «правильной» русской речью. Русская (российская) диаспора как бы родилась заново, обласканная вниманием и извиняющей щедростью современников на исторической родине. На наших глазах историки сконструировали миф о «золотом веке» русской эмиграции, с которым еще придется разбираться с помощью новых более спокойных прочтений.

Было бы несправедливо, с точки зрения исторической корректности, забыть то обстоятельство, что «белая эмиграция» существовала и сохра-

нилась не просто в силу своего элитно-драматического характера, но и потому, что продолжала получать пополнение в последующие исторические периоды. Во время второй мировой войны из почти 9 млн. пленных и вывезенных на работы к 1953 г. вернулось около 5,5 млн. человек. Многие были убиты или умерли от ран и болезней. Однако не менее 300 тыс. так называемых перемещенных лиц остались в Европе или уехали в США и другие страны. Правда, из этих 300 тыс. только меньше половины были с территории СССР в его старых границах. Не только культурная близость со старой эмиграцией, но и идеологическое сходство в отторжении (точнее, в невозможности возврата) СССР позволили более интенсивное смешение этих двух потоков (в сравнении с ситуацией враждующей диаспоры), а значит, поддержание языка и мизерных постсталинских связей с родиной (после Хрущева). Какое число российских соотечественников живет в дальнем зарубежье? Само число 14,5 млн. выехавших из страны мало что говорит, ибо более двух третей жили на территориях, которые включались в состав Российской империи или СССР, а сейчас не являются частью России. Восточнославянский компонент в этом населении был невелик до прибытия основной части «белой эмиграции» и перемещенных лиц. После этого русских выехало мало. *В целом русских в дальнем зарубежье – около 1,5 млн. человек, в том числе в США – 1,1 млн. Что касается лиц, имеющих «русскую кровь», то их в несколько раз больше.*

Большой вопрос: как и кем считать представителей других этнических групп? Выходцы из России создали основные этнические общности в двух странах: в США 80% евреев – это выходцы из России или их потомки, в Израиле не менее четверти евреев – выходцы из России. Этнический состав, культурный багаж и установки эмигрантов были разными и поэтому не все из них составили Русский мир, хотя многое здесь остается дискуссионным. Случай с черкесской диаспорой уже приводился. Другой случай с еврейской миграцией, которая во все эпохи составляла существенную часть мигрантов, а в конце XX века – это было большинство всех уехавших из СССР и Российской Федерации (наряду с российскими немцами). Формально российские евреи и немцы совершали акт воссоединения или возвращения на историческую Родину, но, по сути, это был отъезд из страны русских по культуре людей. В какой-то мере вопрос о трудных случаях принадлежности к Русскому миру касается российских немцев. На мой взгляд, миллион человек выехавших из России и Казахстана на «историческую родину» во многом продолжает принадлежать к Русскому миру. Русскими считают

их местные немцы, да и они сами. Может быть только дети, научившиеся говорить без акцента на немецком языке и забыв русский язык, перестанут соотносить себя с Россией и отойдут тем самым от Русского мира. Неоднозначных и подвижных ситуаций можно было бы привести много, что говорит о том, что *Русский мир – это не просто статистическое множество мигрантов из России. Это – одна из форм культурного поведения и идентичности, т. е. ощущения, лояльности и избранного служения.*

НОВЫЕ ДИАСПОРЫ И РУССКИЙ МИР

Слабость общепринятого определения диаспоры состоит в том, что оно основывается на перемещении (миграции) людей и исключает другой менее распространенный случай образования диаспоры – перемещение государственных границ, в результате чего культурно-родственное население, проживавшее в одной стране, оказывается в двух или в нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве. Так создается ощущение реальности, имеющей политическую метафору «разделенного народа» как исторической аномалии. И хотя «неразделенных народов» история почти не знает (административные, государственные границы никогда не совпадают с этнокультурными ареалами), эта метафора составляет один из важных компонентов идеологии этнонационализма, который исходит из утопического постулата, что этнические и государственные границы должны совпадать в пространстве. Однако эта важная оговорка не отменяет факт образования диаспоры в результате изменения государственных границ. Проблема в том, по какую сторону границы появляется диаспора, а по какую – «основная территория проживания». С Россией и русскими после распада СССР, казалось бы, все ясно: здесь «диаспора» однозначно располагается за пределами Российской Федерации. Хотя эта новая диаспора (в прошлом ее не было вообще) тоже может быть исторически изменчивой и вариант самостоятельной «балто-славянскости» вполне может заместить нынешнюю пророссийскую идентификацию данной категории русских.

Однако обратимся к главной проблеме русского мира. Действительно самый грандиозный момент в истории русского мира с точки зрения масштабов и смыслов произошел после распада СССР. Это был действительно геополитический катаклизм (насчет «катастрофы» нужно разбираться с учетом мнения большинства ее участников). Особенно он коснулся русского народа. Если «титовские» народы бывших союзных республик обрели отдельную государственность, которую истолковали как

свою исключительную собственность и этим достаточно надменно пользуются, тогда для них это никак не катастрофа. Распропагандированные российскими спецслужбами, что Россия вымирает, люди в ее городах замерзают, а государство россияне построили криминальное, да еще и свою молодежь посылают на войну в Чечню, большинство не титульных граждан новых стран, включая и русских, приняли как свою Родину эти страны и стали лояльными гражданами или жителями, стремящимися получить гражданство новых стран. Недостаточная правовая культура, наглость титульных национализмов (государство – это «мы»), явная поддержка «мировым сообществом» массовых нарушений прав человека, особенно политических и языковых, неумелая поддержка со стороны России позволили реализовать грандиозную историческую манипуляцию с лишением базовых прав на созданные самоопределившимися территориальными сообществами государства населения с «неправильной» этнической принадлежностью. Вместе с низведением этой части населения до категории «национальных меньшинств», а не народов-партнеров (как, например, в Великобритании, Бельгии, Испании, Канаде, Финляндии) был жестоко наказан и язык большинства или почти половины населения ряда новых стран. Половина налогоплательщиков в Латвии, Украине, Киргизии, Казахстане, Молдове не смогли добиться права, чтобы новые государственные бюрократии разговаривали на их языке. Такую узурпацию этно-языковых прав по политическим причинам (прежде всего, дистанцировать новые страны от России) мир смог принять и даже спонсировать исключительно по идеологическим и геополитическим расчетам, ибо никакое право не могло это оправдывать. Что случилось с «новым русским миром», который возник после 1991 г.? Сначала приведем данные о количестве русских в сравнении с последней советской переписью 1989 г. (таблица 1).

Сразу оговоримся, что, то, что я называю «новым русским миром», не ограничивается только этническими русскими, как и в случае с дальними мирами. Безусловно, к русскому миру по языку и демонстрируемой связи с Россией относятся представители других национальностей, включая даже часть представителей титульных национальностей, многие из которых никакого другого языка, кроме русского, не знают, и желают связывать свою судьбу с Россией. К русскому миру относятся не только русские духоборы, оставшиеся проживать в Богдановском районе Грузии, но и те карабахские армяне, которые не знали армянского языка и переехали в Россию, которая им ближе. К русскому миру относится значительная часть русско-говорящих белорусов и украинцев,

Таблица 1. Численность русских в государствах СНГ и Балтии, 1989–2000–4 гг.

	Перепись 1989 г., тыс. чел	Постсоветский учет		убыль, в %
		тыс. чел.	год переписи	
Россия	119865,9	115868,5	2002 г.	-3,3
Украина	11356	8334,0	2001 г.	-26,6
Казахстан	6228	4479,6	1999 г.	-28,1
Узбекистан	1653	1362,0	оценка	-17,6
Белоруссия	1342	1141,7	1999 г.	-14,9
Латвия	906	703,2	2000 г.	-22,4
Киргизия	917	603,2	1999 г.	-34,2
Эстония	475	351,2	2000 г.	-26,1
Литва	344	219,8	2000 г.	-36,1
Молдавия	562	198,1	2004 г.	-64,8
Туркмения	334	156,8	оценка	-53,1
Азербайджан	392	141,7	1999 г.	-63,9
Таджикистан	388	68,2	2000 г.	-82,4
Грузия	341	67,7	2002 г.	-80,1
Армения	52	15,0	2001 г.	-71,2
<i>всего</i>	145155,9	133710,7		-7,9
<i>без РФ</i>	25290,0	17842,2		-29,4
<i>СНГ</i>	143430,9	132436,5		-7,7
<i>страны Балтии</i>	1725,0	1274,2		-26,1

православных и русско-говорящих гагаузов в Молдове, русско-говорящих татар Литвы и многие другие группы. Но подавляющую основу нового (ближнего) русского мира составляют русские.

Распад СССР дал им три варианта жизненной стратегии: ассимиляция в титульную культуру и язык, отъезд в Россию и отстаивание равного статуса в новом сообществе. К великому сожалению, большинство специалистов и политиков рассматривали только первые два варианта – самые не естественные с точки зрения рациональных человеческих выборов и самые трудно реализуемые. Мною в начале 1990-х гг. даже рассматривалась возможность в ряде случаев еще одного варианта – отыгрывание русскими центральной власти в новых государствах. Такая возможность была, например, в Латвии в случае нулевого варианта гражданства, большей эмиграции латышей за границу и лучшей политической организации русских и других не латышей в Латвии. Но старая советская догма, что Латвия принадлежит латышам, а не латвий-

цам, взяла верх, и после вступления Латвии в НАТО этот вариант уже не позволят и союзники. Мне также казалось, что ассимиляция русских в новых странах невозможна при наличии огромного русского этнического ядра по соседству и мирового статуса русского языка как языка жизненного преуспевания.

Мы видим, что общее число русских ближнего русского мира заметно сократилось почти на 7,5 миллионов человек (на 29,4%), хотя в Россию их переехало примерно 2,5–3,5 миллиона и около 0,5 миллиона эмигрировали в дальние страны. Куда делись не менее 3,5 миллионов русских людей, прежде всего в Украине (откуда уехало в Россию около 0,5 миллиона, а число русских сократилось на 3 миллиона!) и в Казахстане (откуда уехало около 1 миллиона, а число русских сократилось на 2 миллиона!). Если считать тупо данные переписей, как считают украинские историки при подсчете жертв голодомора, тогда в Украине произошел голодомор русских числом не менее 2,5 миллионов, ибо из 3 миллионов исчезнувших 0,5 миллиона можно скинуть на превышение смертности над рождаемостью, т. е. на естественную убыль населения, которая у русских была примерно такой же, как и у украинцев. Однако дело обстояло не так. Сокращение числа русских в Украине произошло прежде в результате смены идентичности гражданами (главным образом, людьми смешанного происхождения или из смешанных семей) с русской на украинскую. Это не была ассимиляция в ее классическом виде, ибо записавшиеся украинцами сочли это более комфортным и политически выгодным в независимой Украине, при этом, не теряя знания русского языка и оставаясь людьми смешанной или двойной идентичности. Аналогичная массовая перепись, но только из украинцев в русские произошла на Украине между переписями 1926 и 1937 гг., дав бездумным и политически ангажированным историкам зачислить несколько миллионов украинцев в жертвы голода 1932 года.

В Казахстане на сокращение численности русских перепись не могла оказать такого воздействия, ибо русскому записаться казахом гораздо труднее по ряду обстоятельств – не та степень этноязыковой, религиозной и даже фенотипической близости. Но в Казахстане перепись проходила в 1999 г. в разгар казахского национализма и ожидания получения решающего демографического большинства казахами, которые уже имели подавляющее большинство в структурах власти и в других общественных сферах, кроме промышленного производства. Перепись населения проводилась при явном игнорировании русского населения и недоучет среди этой части граждан был гораздо выше, чем среди казахов.

Однако массовый отъезд русских прекратился и экономическое состояние страны внушает большие надежды. Русские пытаются закрепить свои права и свой статус, но их уже фактически нет, хотя самая большая ирония в том, что президент выступает в парламенте по важнейшим вопросам и дискуссия ведется на русском языке, которому в некоторых постсоветских государствах придумали межумочный статус «языка межнационального общения». В реальности этот даже язык домашнего общения ряда руководителей новых государств и значительной части политической элиты. Русский язык – это наказанный язык в ближнем русском мире. Причем, наказанный не за провинности, а за великую модернизационную миссию, которую он выполнял и будет выполнять на территории бывшего СССР еще десятилетиями.

По причине реальной языковой ситуации и международно-признанных языковых прав людей русский язык должен обладать официальным статусом в тех странах, где хотя бы для трети налогоплательщиков это основной язык знания и общения, т. е. родной язык. При выработке стратегии в сфере сохранения и поддержки русского языка в странах бывшего СССР нужно исходить из того, что данные советских и постсоветских переписей содержат радикально заниженные цифры о носителях русского языка в этом регионе. Вопрос о родном языке, который спрашивался во время переписей безотносительно к знанию языка, приводил к тому, что исключительно русско-говорящие люди называли родным языком белорусский, украинский, молдавский, киргизский и т. п., зачастую не пользуясь и даже не зная этих языков. Руководствуясь международно-правовыми нормами и заботами о русском языке, Россия не должна снимать вопрос об официальном двуязычии для ряда стран бывшего СССР (Казахстан, Украина, Латвия, Молдова, Кыргызстан). Если равностатусность за русскими не будет признаваться, тогда Россия должна поддерживать обе формы внутреннего самоопределения культурно отличительных групп: этнотерриториальную через федерализацию ряда постсоветских государств, где есть более или менее гомогенные ареалы проживания русских, или экстерриториальную культурную автономию.

В Эстонии и Латвии как в граждански более состоятельных обществ (не без политического и националистического иезуитства), похоже, общегражданские принципы рано или поздно будут брать верх и для местных «некоренных» (т. е. русских диаспор в расширительном смысле) вариант эстонкости, российскости, латвийскости более предпочтителен, а свою этническую идентификацию они могут строить действи-

тельно на «конгломератной» основе, как, например, балто-славянскости (этот вариант уже вполне обсуждаем среди диаспорных активистов). В Украине и Казахстане, где этнонационализм только крепчает и где подавляющее число членов российской диаспоры – это этнические русские, русский этнический вариант может оказаться более предпочтительным. Русских в Украине не беспокоят самочувствие и интересы венгров или поляков в стране проживания или чувства и интересы татар или чувашей в России. Их беспокоит сохранение собственной русской идентичности через политику русскости в России. Вот почему для русского мира в Эстонии и Латвии отправным является принцип российскости, а для русского мира в Украине – может быть более значимой русскость.

Второе – диаспоры могут иметь сильную заинтересованность в том, как внешняя политика родного государства влияет на будущее этого государства. Диаспорам безразлично, какая, на их взгляд, осуществляется политика правительствами стран исхода: укрепляет ли она безопасность и благополучие их родины или, наоборот, оказывает разрушительное воздействие. Это важно для диаспор, ибо во многих случаях сохраняется расчет на возможность переезда в родную страну, если условия в стране пребывания будут ухудшаться, а в стране исхода – улучшаться. И даже безотносительно возможного переезда, присутствует также символический интерес – это иметь в качестве родины благополучную страну с позитивным имиджем, чтобы через этот имидж лучше поддерживать и отстаивать собственную идентичность перед вызовами ассимиляции в стране пребывания.

Огромную роль в консолидации русского мира на всех его этапах играла Русская православная церковь. Вскоре после революции 1917 г. и гражданской войны, когда русская эмиграция обрела черты антикоммунистические и выступала против «безбожного режима» большевиков, произошел раскол церкви и выделение самостоятельной Русской православной церкви за рубежом. На протяжении почти десятилетий русские православные были оторваны от Родины, их духовное окормление происходило через зарубежную церковь, которая в начале XXI века имела около 350 приходов в десятках стран мира. Самые крупные средоточения русских православных людей за границей сейчас находятся в США (150 тысяч), странах Южной Америки (100 тысяч), странах Европы (100 тысяч) и Австралии (50 тысяч). В этих странах и регионах сохраняются многие святыни русского зарубежья и имеет место богатая культурная и духовная жизнь, а в последние 15 лет расширились многообразные связи с исторической Родиной в Русской православной церковью мо-

сковского патриархата. Наконец, 17 мая 2007 г. произошло замечательное историческое событие – подписание акта о каноническом согласии двух церквей. Патриарх Алексей II и епископ Лавр подписали в Храме Христа спасителя объединительный документ и отслужили совместную службу. Объединение двух русских церквей позволит укрепить национальную идентичность русских, находящихся за пределами России.